

1241-68.

VIII 42
2

КУРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ГОДЪ ВТОРЫЙ.

№ 5.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 15 числа. Подписка принимается въ редакціи Епарх. вѣдомостей при духовной семинаріи въ Бѣлгородѣ.

1872 Г.
1-го МАРТА.

Цѣна годовому изданію вѣдомостей съ пересылкою и доставкой пять рублей.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

А) ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

УКАЗЫ СВ. СУНОДА.

1., *О представленіи въ Святѣйшій Синодъ Епархіальными Преосвященными при отчетахъ о состояніи епархіи годичныхъ вѣдомостей о церковно-приходскихъ школахъ и учащихся въ нихъ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали докладъ Синодальной Канцеляріи слѣдующаго содержания: На основаніи Высочайшаго повелѣнія 17 декабря 1865 года представлена была на Всемилостивѣй-

шее возрѣніе вѣдомость о церковно-приходскихъ школахъ и учащихся въ нихъ за вторую половину 1869 года. Государь Императоръ, усматривая въ сей вѣдомости, что для точнаго сужденія объ общемъ количествѣ учащихся дѣтей обоого пола необходимо, кромѣ вѣдомостей о церковно-приходскихъ школахъ, имѣть свѣдѣнія и о школахъ, содержимыхъ отъ земства и отъ сельскихъ обществъ, въ 3-й день августа Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: отмѣнивъ представленіе означенныхъ вѣдомостей отъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора, войти въ соглашеніе съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о сосредоточеніи въ ономъ всѣхъ сихъ свѣдѣній. Объ изъясненной Высочайшей волѣ дано знать по Духовному Вѣдомству циркулярнымъ указомъ 15 октября того же года. Впослѣдствіе сего указа нѣкоторые изъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ прекратили представленіе въ Святѣйшій Синодъ годовыхъ вѣдомостей о церковно-приходскихъ школахъ и учащихся въ нихъ, а между тѣмъ таковыя вѣдомости необходимы при составленіи всеподданнѣйшихъ отчетовъ по Духовному вѣдомству, ежегодно представляемыхъ Его Императорскому Величеству Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ. Приказали: Предписать циркулярно Епархіальнымъ Преосвященнымъ, чтобы они, при отчетахъ о состояніи епархіи, представляли, по прежнему, и вѣдомости о церковно-приходскихъ школахъ и учащихся въ нихъ, независимо отъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Епархіальнымъ Начальствомъ вѣдомству Министерства

Народнаго Просвѣщенія. Января 30 дня 1872 года
№ 6-й.

2, *О подсудности мировымъ постановленіямъ дѣлъ по обвиненію лицъ духовнаго званія въ угрозахъ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали полученное изъ Общаго Собранія Касаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената вѣдѣніе, въ коемъ изложено: Остерскій Мировой Судья присудилъ діакона Троцкаго, за угрозу произвести поджогъ дома пономаря, къ двухъ-недѣльному аресту или штрафу въ 25 р. Хотя на приговоръ этотъ діаконъ Троцкій изъявилъ неудовольствіе, но въ установленный срокъ не обжаловалъ такового приговора, а потому, руководствуясь 1029 ст. Уст. Угол. и 5 ст. Уст. Нак., Мировой Судья представилъ копію съ своего приговора, для исполненія онаго, Черниговскому Преосвященному; но Черниговская Духовная Консисторія увѣдомила Мироваго Судью, что дѣло это не подсудно Мировымъ Учрежденіямъ. О возникшемъ такимъ образомъ между Остерскимъ Мировымъ Судьею и Черниговскою Духовною Консисторіею пререканіи, Остерскій съѣздъ донесъ Правительствующему Сенату, который, на основаніи 238 ст. Уст. Угол., входилъ въ сношеніе съ Святѣйшимъ Синодомъ. Въ отзывѣ своемъ Святѣйшій Синодъ изложилъ, что по буквальному смыслу 1017 ст. Уст. Угол. лица, принадлежащія къ духовенству одного изъ христіанскихъ исповѣданій, подлежатъ

суду духовному лишь за нарушеніи обязанностей ихъ званія и за тѣ противозаконныя дѣянія, за которыя въ законахъ опредѣлено подвергать ихъ ответственности по усмотрѣнію духовнаго ихъ начальства; слѣдовательно діаконъ Троцкій, за угрозу поджечь домъ пономаря, могъ бы подлежать суду духовному только въ такомъ случаѣ, если бы въ законахъ было опредѣлено, что за подобныя, со стороны духовныхъ лицъ, угрозы слѣдуетъ подвергать ихъ ответственности по усмотрѣнію духовнаго начальства. Но такого правила въ законахъ не имѣется и въ Уставѣ Духовныхъ Консисторій объ угрозахъ вовсе даже не упоминается. Вслѣдствіе сего и въ виду 140 ст. Уст. Нак., Святѣйшій Синодъ полагалъ, что дѣло объ угрозахъ діакона Троцкаго поджечь домъ пономаря подсудно Мировому Судьѣ. По выслушаніи заключенія Оберъ Прокурора Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ: 1) что духовныя лица подлежатъ духовному суду лишь за нарушеніе обязанностей ихъ званія и за тѣ противозаконныя дѣянія, за которыя закономъ именно опредѣлено подвергать ихъ ответственности по усмотрѣнію духовнаго ихъ начальства; 2) что повсѣмъ прочимъ преступленіямъ и проступкамъ, какъ это явствуетъ изъ соображенія 2 ст. Учр. Суд. и 1029 ст. Уст. Угол., лица духовныя подсудны судамъ свѣтскимъ, въ томъ числѣ и Мировымъ Учрежденіямъ по тѣмъ проступкамъ, которые влекутъ за собою опредѣленные въ 1 ст. Уст. Нак. наказанія; 3) что угрозы, при указанныхъ въ 139—141 ст. Уст.

Нак. условіяхъ, подсудны Мировымъ Учрежденіямъ, и 4) что на основаніи 5 ст. Уст. Нак. и 1029 ст. Уст. Угол., приговоры, коими лица духовнаго званія присуждаются къ извѣстнаго рода наказаніямъ, не соединеннымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, отсылаются для исполненія къ духовному ихъ начальству; а потому Общее Собраніе Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената нашло, что проступокъ діакона Троцкаго подсуденъ мировымъ установленіямъ. По справкѣ, Приказали: Въ предупрежденіе могущихъ возникать въ практикѣ духовныхъ установленій недоразумѣній по предмету подсудности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 года судебные уставы, дѣль по обвиненіямъ лицъ духовнаго званія въ угрозахъ, о содержаніи вышеизъясненнаго рѣшенія Общаго Собранія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената по дѣлу діакона Троцкаго дать знать, для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства и исполненія, по духовному вѣдомству печатными циркулярными указами. Января 30 дня 1872 года. № 5.

з. РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

*О своевремениомъ доставленіи благочинными свѣдѣній въ
Статистическій Комитетъ.*

Въ журналѣ Курской Духовной Консисторіи, Его Преосвященствомъ утвержденномъ 22 февраля сего 1872 года, между прочимъ, прописано: слуша-

ли отношеніе Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, отъ 17 то же февраля, за № 34, которымъ просить побудить благочинныхъ Курской епархіи, чтобы они требуемыя отъ нихъ статистическія таблицы, какъ за истекшій 1871 годъ, такъ равно и на будущее время, непременно доставляли въ Статистическій Комитетъ къ назначенному сроку т. е. къ 15 февраля каждаго года, что ими вовсе не исполняется. Справка: Епархіальнымъ Начальствомъ, согласно своему постановленію, отъ 2 сентября прошлаго 1871 г., предписано оо. благочиннымъ, чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, чтобы они свѣдѣнія о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, требовали отъ подвѣдомыхъ причтовъ заблаговременно, и, по тщательной повѣркѣ этихъ свѣдѣній и составленій изъ нихъ, согласно данной формѣ, общихъ итоговъ, представляли таковыя въ Курскій Губернскій Статистическій Комитетъ непременно къ 15 февраля сего 1872 года, а о причтахъ, недоставляющихъ въ свое время требуемыхъ свѣдѣній немедленно доносили бы Консисторіи. При этомъ оо. благочинные предупреждены, что несвоевременное и неисправное доставленіе въ Статистическій Комитетъ свѣдѣній Епархіальное Начальство возлагаетъ на личную ихъ отвѣтственность. Опредѣлили: Какъ изъ отношенія Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета не видно, кѣмъ именно изъ благочинныхъ не доставлены статистическія свѣдѣнія, то предписать благочиннымъ церковей Курской епархіи, чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ

лять для «развертки» ихъ неудобно потому, что не рѣшенъ вопросъ о сборѣ по числу приходскихъ душъ».

24) Журналъ сѣзда № 11-й.

1871 года декабря 13 дня, Епархіальный сѣздъ уполномоченныхъ отъ духовенства Курской епархіи, имѣвъ сужденіе объ устройствѣ епархіальнаго свѣчнаго завода, или лавокъ, положилъ: такъ какъ къ осуществленію этаго предпріятія не предвидитъся ни средствъ, и даже не имѣется готоваго проекта, то дѣло это предоставить времени, — съ просьбою къ лицамъ, знакомымъ съ подобными предпріятіями, потрудиться составить проектъ и чрезъ епархіальныя вѣдомости подготовить духовенство къ осуществленію настоящихъ нашихъ сужденій. Журналъ сей подписанъ предсѣдателемъ сѣзда священникомъ Николаемъ Бѣляевымъ и 80 уполномоченными отъ духовенства.

На семь журналѣ сѣзда резолюція, Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Сергія, Епископа Курскаго и Бѣлоградскаго, послѣдовала такая: «Согласенъ».

25) Заявленіе уполномоченныхъ отъ духовенства, священниковъ Никиты Никитина и Алексѣя Одинцева. (Къ журналу сѣзда № 11).

Намъ достоверно извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Курской губерніи (напр. въ г. Путивлѣ и Льговѣ) свѣчи восковыя продаютъ купцы въ лавкахъ и свѣчные мастера въ своихъ домахъ, не толь-

ко въ значительномъ количествѣ, но и четвертями фунта, и тѣмъ весьма уменьшаютъ продажу свѣчъ въ церквахъ и доходы послѣднихъ. А какъ по сему предмету состоялись нѣкоторыя узаконенія Правительства, но многимъ причтамъ эти узаконенія неизвѣстны, чрезъ что причты, при искреннемъ желаніи добра своимъ церквамъ, не рѣшаются однако предпринимать чтолибо къ прекращенію этой, вредной для церквей, торговли; почему, докладывая о семъ съѣзду, просимъ отнестись въ Курскую Консисторію съ прошеніемъ отыскать все узаконенія начальства, имѣющія цѣлю охранять интересъ церквей въ семъ отношеніи, и затѣмъ опубликовать ихъ въ Курскихъ епархіальныхъ, а если возможно, то и въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

26) Журналъ съезда № 12-й.

1871 года декабря 13 дня, Курскій епархіальный съездъ, имѣя сужденіе объ учрежденіи эмеритальной кассы для духовенства епархіи, и принимая въ соображеніе бывшіе уже по этому предмету въ нашей епархіи проекты, нашель, что по онымъ—учрежденіе у насъ эмеритуры не удобопримѣнимо: каждый изъ нихъ требуетъ извѣстныхъ денежныхъ взносовъ, а большинство духовенства своими средствами едва покрываетъ свои дневныя насущныя потребности, и чтобы составить запасъ про будущіе случаи нужды, не можетъ удѣлять изъ нихъ что бы то ни было.—И единственнымъ средствомъ обезпечивать своихъ вдовъ и сиротъ,—впредь до состав-

ленія къмъ либо новаго проекта эмеритуры, или улучшения собственнаго нашего положенія вообще, съѣздъ находитъ только то, чтобы средства существующаго уже у насъ попечительства возрасли на болѣе и болѣе значительныя цифры и чтобы цифры эти распредѣлялись между нуждающимися въ возможной равномерности по степени дѣйствительной нужды пенсіонеровъ. А для достиженія этого лучшимъ способомъ съѣздъ признаетъ то, чтобы степени бѣдности вдовъ и сиротъ совмѣстно съ сотрудниками обсуждались или всемъ духовенствомъ округа, или съ двумя отъ округа для сей цѣли выбранными священниками. Журналъ сей подписанъ председателемъ съѣзда священникомъ Николаемъ Бѣляевымъ и 72-мя уполномоченными отъ духовенства.

Резолюція на семь журналѣ съѣзда Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Сергія, Епископа Курскаго и Бѣлоградскаго послѣдовали такая: «Утверждается.—Сообщить попечительству, чтобы приведено было въ исполненіе».

27) Журналъ съѣзда № 13-й.

1871 года декабря 13 дня, Курскій епархіальный съѣздъ, по окончаніи вечерняго засѣданія, выслушавъ предложеніе члена попечительства о. Іоанна Попова о томъ, не пожелаютъ ли уполномоченные съѣзда лично посѣтить Курскій пріютъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія, выразилъ на это полное согласіе.—Но такъ какъ слушаніе предложенія

того, и принятіе уполномоченными рѣшенія—состоялись въ позднее слишкомъ время; то уполномоченными внести объ этомъ въ журналъ—поручено председателю съѣзда за однимъ его подписомъ.

На семь журналѣ съѣзда резолюція Его Преосвященства—такая: «Смотрѣно».

28) Журналъ съѣзда № 14-й.

1871 года декабря 14 дня. Уполномоченные Курскаго епархіальнаго съѣзда, посѣтивъ Курскій духовный пріютъ вдовъ и сиротъ, нашли заведеніе это въ примѣрно—благоустроенномъ состояніи. Принимая же во вниманіе, что это заведеніе и возникло и доведено до совершенства ревностною заботливостью Его Преосвященства, съѣздъ духовенства призналъ обязанностью своею поднести Преосвященнѣйшему Сергію, Епископу Курскому—благодарственный адресъ за труды, понесенные къ основанію въ нашей епархіи пріюта, и за попеченія Его къ постепенному и постоянному совершенствованію этого заведенія. Адресъ—положено уполномоченными съѣзда засвидѣтельствовать подписомъ каждаго; журналъ же по этому предмету и копію съ адреса, словесными заявленіями уполномоченныхъ, поручено утвердить подписомъ одного председателя.

На семь журналѣ съѣзда резолюція Его Преосвященства послѣдовала такая: Съ глубокою признательностью принять мною адресъ.—Вниманіе духовенства вмѣняю себѣ въ награду за трудъ, поне-

сенный мною къ учрежденію и устройству сего сиротскаго воспитательнаго заведенія».

29) Адресъ Его Преосвященству. (Къ № 14-му).

Ваше Преосвященство, Всемилостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Курскій епархіальный съѣздъ, посѣщая 14 сего декабря духовный пріютъ, учрежденный отеческимъ попеченіемъ Вашего Преосвященства въ городѣ Курскѣ, нашель оный въ учебной, воспитательной и хозяйственной частяхъ въ отличномъ положеніи и цѣли своей соотвѣтствующимъ, въ особенности введеніемъ педагогическихъ курсовъ въ пріютѣ съ приготовленіемъ воспитанницъ наставницами для городскихъ и сельскихъ народныхъ школъ.

Съ чувствомъ глубокой преданности, принося Вашему Преосвященству искреннюю благодарность въ лицѣ съѣзда отъ всего духовенства за столь отеческое попеченіе о сиротахъ духовнаго званія, съѣздъ призналъ справедливымъ оказать вспомошествованіе изъ церковныхъ суммъ и ежегодно съ сего 1871 года передавать изъ консисторіи въ попечительство на пріютъ тысячу рублей и шесть тысячъ девять сотъ восемнадцать рублей на призрѣніе вдовъ и сиротъ, которымъ попечительство, по скудости источниковъ, не можетъ выдавать достаточныхъ пособій.

Адресъ подписанъ предсѣдателемъ съѣзда священникомъ Николаемъ Бѣляевымъ и 75 уполномоченными отъ духовенства.

30) Журналъ сѣзда № 15-й.

1871 года декабря 15 дня, Курскій епархіальный сѣздъ, выслушавъ словесное заявленіе нѣкоторыхъ уполномоченныхъ сего сѣзда о томъ, что въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ до сего времени существуетъ прежній порядокъ вспоможенія къ содержанію учителей, извѣстный подъ именемъ явки и столь унижительный въ нравственномъ смыслѣ, общимъ мнѣніемъ положилъ: такъ какъ по рѣшенію темерешняго сѣзда, окладъ жалованья наставникамъ всѣхъ духовныхъ училищъ уравнивъ и возвысивъ, то выше—упомянутый порядокъ вспоможенія въ содержаніи наставниковъ училищъ рѣшительно уничтожить по всѣмъ училищамъ, гдѣ таковой существуетъ. За симъ слѣдуютъ подписи предсѣдателя сѣзда священника Николая Бѣльева и 64 уполномоченныхъ отъ духовенства.

На семъ журналѣ сѣзда резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Сергія, Епископа Курскаго и Бѣлоградекаго послѣдовала такая: «Въ октябрѣ разослано мною по всѣмъ училищнымъ правленіямъ предписаніе, въ которомъ изложено мнѣніе противъ сего невозволительнаго обычая, данное Учебнымъ при Св. Синодѣ Комитетомъ и утвержденное самимъ Святѣйшимъ Синодомъ».

31) Журналъ сѣзда № 16-й.

1871 года декабря 15 дня, Курскій епархіальный сѣздъ, находя занятія свои по возможности оконченными, постановилъ прекратить ихъ и от-

правиться въ мѣста своей существенной службы, но такъ какъ, за неимѣніемъ данныхъ о взносѣ церковныхъ суммъ по числу душъ мужескаго пола по вѣдомостямъ Бѣлгородскаго Комитета, онъ не могъ сдѣлать рѣшительнаго постановленія, а предоставилъ оному комитету разослать таковыя вѣдомости во все уѣзды для обсужденія оныхъ на благотворительныхъ собраніяхъ, то постановилъ: предоставить епархіальному начальству, по полученіи имъ разсмотрѣнныхъ причтами вѣдомостей, назначить срокъ будущаго епархіальнаго съѣзда, если найдетъ его нужнымъ.

Журналъ сей подписанъ предсѣдателемъ съѣзда священникомъ Николаемъ Бѣляевымъ и 78 уполномоченными отъ духовенства.

На семь журналѣ съѣзда резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Сергія, Епископа Курскаго и Бѣлоградскаго — такая: «Соотвѣтственныя сему распоряженія нынѣ же (23 декабря) мною сдѣланы».

2. Отчетъ о состояніи женскаго Училища, состоящаго при Борисовской Тихвинской Дѣвичей Пустыни, за 1871 годъ.

1. Составъ учащихся въ Училищѣ.

Училище состоитъ подъ главнымъ наблюденіемъ Игуменіи; для надзора же за нравственностью дѣвицъ, чистотою и порядкомъ живутъ въ Училищѣ и постоянно при дѣтяхъ находятся двѣ рясофор-

ныя послушницы: Александра Марицкая и Параскева Славинская. Преподаваніемъ Закона Божія, съ 4 октября 1871 года, съ благословенія Епархіальнаго Преосвященнаго, по собственному согласію занимается безмездно сей пустыни священникъ Андрей Шафрановъ; другіе предметы преподають—послушницы монастыря: Александра Марицкая—русскій языкъ, она же обучаетъ и разнымъ руководѣльямъ; Параскева Славинская—ариѳметику, Марія Кременецкая—географію, она же обучаетъ и письму; всѣ означенныя лица занимались и занимаются обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей съ любовью и усердіемъ.

2. Составъ учащихся въ Училищѣ.

Сообразуясь съ небольшими средствами пустыни, Училище предположено было на 12 дѣвиць, въ настоящее же время живутъ и обучаются въ немъ 20 учениць; изъ нихъ 11 принадлежать къ духовному сословію, а 9 къ купеческому и мѣщанскому. По различію своего возраста и развитія, онѣ раздѣлены для удобства въ занятіяхъ, на два отдѣленія: старшее и младшее, изъ коихъ къ первому причислено 8 дѣвиць, ко второму 12 младшаго возраста.

3. Предметы обученія.

Въ младшемъ отдѣленіи дѣти въ теченіи года занимались большею частію чтеніемъ по книгѣ и письмомъ. Крімъ того по Закону Божию выучены и объяснены повседневныя молитвы; изъ краткаго

Катихизиса пройдено до четвертаго члена Символа вѣры; изъ Исторіи Ветхаго Завѣта до Исторіи Юва; по ариметикѣ выучены цифры и начата нумерація. Въ старшемъ отдѣленіи 1) по Закону Божию выучены съ объясненіемъ употребительныя молитвы и троцари на нѣкоторые праздники; изъ краткаго Катихизиса пройдено до заповѣдей; изъ Св. Исторіи Ветхаго Завѣта до устроенія скинии священства; изъ Новаго Завѣта выучено нѣсколько исторій; кромѣ того ежедневно читается по одному зачалу изъ Евангелія съ краткимъ объясненіемъ. 2) По русскому языку главное вниманіе обращено было на приученіе дѣтей къ правильному и толковому чтенію, причемъ требовалось, чтобъ ученицы рассказывали прочитанное. При чтеніи ученицамъ сообщаемы были и грамматическія правила о родѣ, числѣ и склоненіи именъ существительныхъ, занимались письмомъ подъ диктовку и учили на память басни и небольшія стихотворенія. 3) По ариметикѣ вполне изучена нумерація, и кромѣ того сложеніе и вычитаніе простыхъ чиселъ. 4) По географіи, при пособіи картъ, сообщены ученицамъ предварительныя повятія и общія свѣдѣнія о частяхъ свѣта. 5) По руководѣльной части дѣти младшаго возраста обучаемы были вязанью чулокъ и приучались къ шитью бѣлья, старшія занимались шитьемъ бѣлья и платьевъ, кромѣ того разнаго рода вышиваньемъ и вязаньемъ и другими работами, также приучались и къ хозяйству.

4. Учебныя пособія.

Всѣ классныя принадлежности и учебныя пособія, необходимыя для занятій, какъ то: книги, бумага, карандаши, чернила, перья и разные матеріалы для работъ выдаваемы были ученицамъ въ достаточномъ количествѣ. Въ теченіи минувшаго года приобрѣтено для училища книгъ: Св. Исторій Ветхаго Завѣта—Рудакова 10, Новаго Завѣта—Рудакова 6; Пространныхъ Катихизисовъ 6; Грамматикъ—по Родному Слову 12; Географій—Смирнова 9; Атласъ 1; Наставленіе въ Законъ Божіемъ—Аѳинскаго 2; Объясненіе Евангелія 1; Объясненіе употребительныхъ молитвъ 1; О двѣнадцати праздникахъ 1; и еще нѣсколько книгъ для чтенія.

5. Религіозно-нравственное воспитаніе.

Главная цѣль Училища, открытаго при монастырѣ,—дать дѣтямъ, обучающимся въ немъ, воспитаніе истинное религіозно-нравственное, а потому и обращено было особенное и постоянное вниманіе на ихъ нравственность и привычки, на развитіе въ дѣтяхъ христіанскихъ чувствъ и утвержденіе ихъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ: въ любви къ ближнему, кротости, смиреніи и благочестіи. Читаніемъ занимались дѣти преимущественно религіознымъ; въ воскресные и праздничные дни для слушанія всенощнаго бдѣнія и Божественной литургіи дѣти всегда ходили въ храмъ Божій и съ благоговѣніемъ внимали чтенію и пѣнію.

6. Содержаніе училища.

На содержаніе училища въ теченіи минувшаго 1871 года употреблено 392 руб. 57 коп. именно: на одежду и обувь—73 р. на содержаніе 203 р. 70 к. на отопленіе и освѣщеніе 77 р., на книги, бумагу и прочіе предметы, необходимыя для занятій, 38 р. 87 к. На покрытіе этихъ расходовъ деньги употреблены изъ неокладной суммы монастыря.

3., *Извѣстіе о празднои священнической ваканси.*

12 февраля на 52 году отъ рожденія скончался священникъ двухштатней Христорождественской церкви села Малотычей, Фатежскаго уѣзда, Петръ Косьминъ. Мѣсто его вакантно.

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

1. *Власть и личность царя, по ученію Слова Божія, древнихъ языческихъ религій, и церкви какъ Ветхозаветной, такъ и Новозаветной.*

(Окончаніе).

Мы раскрыли въ общихъ чертахъ помазаніе царей Іудейскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ показали и то высокое значеніе царской власти, какое она получала отъ этого священнодѣйствія. Въ силу этого обряда власть и самая личность царя дѣлалась священной и неприкосновенною, вслѣдствіе чего вся-

кій обязанъ былъ безпрекословно повиноваться ей и заботиться о предотвращеніи всего противодѣйствующаго священнымъ правамъ священной личности царя.

Если такъ высоко ставили власть и личность царя Иудейство и вообще весь древній міръ, то еще выше, священнѣе и неприкосновеннѣе дѣлаеть и ту и другую христіанство. Иисусъ Христосъ заповѣдалъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ воздавать Божіи Божии, а Кесарева Кесареви и Самъ безпрекословно повиновался и подчинялся требованіямъ царской власти, не смотря на то, что царями въ то время были язычники. Онъ безпрекословно повиновался опредѣленію Пилата и высказалъ основаніе, почему такъ поступаетъ: если бы не дано было тебѣ свыше, сказалъ Онъ Пилату, то ты не имѣлъ бы надъ Мною никакой власти (Іоан. 19, 11).

Апостолы также заповѣдали всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ повиноваться царской власти, хотя бы она была въ лицѣ язычника. (Римл. 13 гл.), и молиться за царей, не разбирая ихъ вѣры и образа жизни: молю прежде всѣхъ творити молитвы и пр. (1 Тим. 2, 1). И Церковь, внимательная къ словамъ Спасителя и Его Апостоловъ, вполне поняла изъ нихъ все значеніе власти и личности царя. Съ какимъ уваженіемъ Церковь относится къ власти царя и какъ высоко ставитъ самую личность царя,—это видно изъ того уже, что у насъ не совершается ни одного богослуженія—ни общаго, ни даже частнаго, на которомъ не возсылалась бы теи-

лая молитва къ Богу о спасеніи и благоденствіи царя и всего царствующаго дома. Мало того: Церковь установила даже праздновать нѣкоторые дни, изъ жизни царей, и эти праздники торжественностію нисколько не уступаютъ великимъ христіанскимъ праздникамъ.

Болѣе же всего Св. Церковь высказала свое уваженіе къ власти и личности царя и вмѣстѣ выразила все величіе и значеніе царской власти въ священнодѣйствіи помазанія царей на царство. Нельзя безъ особеннаго умиленія смотрѣть на этотъ священный обрядъ и въ тоже время нельзя не удивляться тому, какъ хорошо Церковь выразила въ немъ все священное величіе и неприкосновенность власти царя, все значеніе и необходимость ея для христіанъ. Во всемъ этомъ обрядѣ выражается одна мысль, что власть и личность царя священны, и къ выраженію этой-то мысли Св. Церковь стремится на каждомъ шагу своихъ дѣйствій при совершеніи обряда помазанія царей на царство. Такъ, въ день совершенія этаго священнодѣйствія самое шествіе царя въ храмъ отличается особеннымъ характеромъ. Въ это время предшествуетъ государю и государынѣ протопресвитеръ съ крестомъ и святою водою, которою онъ кропитъ путь отъ самыхъ палатъ царскихъ до Успенскаго собора *). Это дѣлается въ выраженіе того, что и весь путь ихъ жизни и дѣятельности долженъ отличаться особенною свято-

*) Обрядъ этотъ совершается, по обыкновенію, въ Москвѣ и со времени Петра 1-го обрядъ этотъ стали совершать и надъ государыннми.

стію. Эту мысль Церковь выразила и въ назначеніи псалма, который поется пѣвчими отъ лица имѣющихъ быть помазанными, когда они, послѣ встрѣчи на паперти всѣмъ духовенствомъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, вступаютъ въ самый храмъ: милость и судъ воспою тебѣ, Господи (100 пс.). Здѣсь отъ лица царя, выражается, — что онъ будетъ добръ и правосуденъ (ст. 1), сохранить чистоту сердца и будетъ непороченъ, не будетъ ничего предпринимать худаго, не будетъ потворствовать злымъ, а будетъ истреблять ихъ въ своемъ царствѣ, которое далъ ему Богъ, и будетъ искать людей добрыхъ, дѣлающихъ все въ чистотѣ сердца **). Этимъ Св. Церковь ясно высказываетъ то, что прямая обязанность царя судить всѣхъ справедливо — наказывать злодѣевъ и поддерживать добрыхъ и тѣмъ самымъ водворять на землѣ миръ и благоденствіе.

За тѣмъ, торжественнымъ исповѣданіемъ Св. православной вѣры предъ лицомъ всей Церкви царь выражаетъ то, что онъ есть блюститель православной вѣры и защитникъ ея уставовъ. Въ древности у Грековъ императоры давали письменную клятву, что они исповѣдуютъ единую Св. Православную вѣру, и обѣщались пребыть постоянно вѣрными и неизмѣнными сынами Св. Церкви, ея защитниками и покровителями, и что они отвергають и анаѳематствуютъ все то, что отвергли и анаѳематствовали Отцы Церкви. — Все это показываетъ, какое ближайшее отношеніе имѣють государи и къ Церкви и ка-

**). См. 100 псал. въ пер. съ подлинна.

кое важное значеніе ихъ для нея. И это понятно почему. Церковь, строго говоря, нельзя отдѣлить отъ государства: члены Церкви и члены государства одни и тѣже, или, проще сказать, Церковь можетъ быть не иначе, какъ въ государствѣ. Вотъ почему глава государства, будучи въ тоже время членомъ Церкви, имѣетъ ближайшее отношеніе и къ самой Церкви, не только какъ членъ Церкви, но и какъ глава государства. Вотъ почему и Церковь, молясь о всѣхъ своихъ членахъ, предпочтительно молится о государѣ и обязываетъ вѣрующихъ заботиться о государѣ, его безопасности, и предотвращеніи всего, что только могло быть во вредъ чести, власти, и жизни государя, какъ это видно изъ клятвы, которую давали императору въ Греціи вслѣдъ за исповѣданіемъ имъ вѣры и которую даютъ и нынѣ все сыны Церкви и государства.

Такая клятва вѣрноподданныхъ, такое благожеланіе вполне подтверждается тою теплою молитвою, которая возносится всею церковію, по исповѣданіи императоромъ вѣры. Пѣніемъ стихиръ «Царю небесный», Церковь молить Бога ниспослать Св. Духа на государя и всѣхъ сыновъ Церкви, который очистилъ бы отъ всякаго зла,—какъ всѣхъ сыновъ Церкви и государства, чтобы они не могли вредить государю, такъ и самаго государя, чтобы онъ правленіе свое направилъ ко благу подданныхъ, и ко спасенію душъ ихъ. Разъясненіе такого смысла въ настоящемъ случаѣ указанной стихиръ можно на-

ходить въ непосредственно слѣдующей за тѣмъ ектеніи, въ которой, кромѣ обычныхъ прошеній, испрашивается у Господа укрѣпленіе скипетра императора и «помазаніемъ всесвятаго мѣра» дарованіе ему «съ небесе премудрости и силы къ правленію и правосудію», безъ чего не можетъ быть порядка въ государствѣ, испрашивается благоденственное и благопоспѣшное во всемъ царствованіе, — помощь отъ Св. Духа и отъ Сіона заступленіе, сохраненіе подчиненныхъ судей отъ издоимства и лицепріятія, укрѣпленіе оружія государя и покореніе подъ ноги его всякаго врага и супостата.

Послѣ изложенной ектеніи и «Богъ и Господь явился намъ» поется тропарь, въ которомъ Церковь испрашиваетъ у Господа спасеніе и благословеніе для всего царства—чрезъ дарованіе государю-императору побѣды на супротивныхъ, и сохраненіе всего жительствова—всего царства подъ сѣнію креста, который есть орудіе примиренія и объединенія всѣхъ враждующихъ, и уничтоженія всякой неправды и зла между вѣрующими; короче сказать: въ этомъ тропарѣ испрашивается и внѣшній и внутренній миръ государству при содѣйствіи государя и силы креста.

Понятно, что если побѣды императора, при содѣйствіи креста, даютъ всему государству миръ и благоденствіе, если Богъ водворяетъ въ государствѣ и внѣшній и внутренній миръ при посредствѣ государя, если государство цвѣтетъ и благоденствуетъ только при мудромъ правленіи государя и силъ его

оружія, если императоръ есть такимъ образомъ защитникъ и отецъ всего государства; то посему и самое вѣнчаніе его на царство составляетъ неизъяснимую радость для всего государства. Такое чувство радости и разъясненіе самой причины этого чувства Св. Церковь излагаетъ въ слѣдующемъ за тропаремъ чтеніи пареміи изъ книги пророка Исаи (49, 13—19). Здѣсь пророкъ призываетъ и небо и землю къ веселію, что Господь помилова люди своя, и утѣши ихъ назначеніемъ новаго государя, по смерти предшественника. Смысль этой пареміи такой: Господь оказываетъ великую милость всѣмъ членамъ Церкви и государства въ томъ, что назначаетъ новаго государя, который, подобно пастырю, собираетъ все стадо во едино, разсыпавшееся или, по крайней мѣрѣ, могущее рассыпаться отъ нападенія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ государства. Пророкъ выражаетъ здѣсь ту истину, исторически доказанную, что всякое царство безъ царя, какъ тѣло безъ головы, не живетъ, но разлагается и умираетъ отъ внутреннихъ беспорядковъ и междоусобій и нападенія враговъ совнѣ. А потому дарованіе государству царя есть какъ бы дарованіе жизни, дарованіе головы государству; а потому и неудивительно, что пророкъ самое избраніе государя называетъ милостію Божіею; вслѣдствіе чего и приглашаетъ и небо и землю къ веселію.

Если, такимъ образомъ, царь есть избранникъ Божій и въ помазаніи его на царство выражается милость Божія, то само собою отсюда слѣдуетъ,

что этого помазанника слѣдуетъ уважать и повиноваться его власти, какъ данной ему Богомъ.

Эта мысль ясно раскрывается въ слѣдующемъ за пареміей чтеніи апостола (Римл. 13, 1—7). Здѣсь высказывается необходимость повиновенія не только царю, но и всякой власти, отъ него поставленной. Апостоль глубоко понялъ значеніе власти и вмѣстѣ съ тѣмъ основательно раскрылъ и разъяснилъ, почему эта власть отъ Бога и почему противящійся этой власти противится Божію установленію, или вѣрнѣе, почему Самъ Богъ требуетъ повиновенія этой власти. И справедливость и благо и счастье людей—требуютъ, чтобы добродѣтель была награждаема, а зло наказываемо и искореняемо. Но это возможно только тогда, когда будетъ уполномоченная власть поощрять и награждать добродѣтель и наказывать и искоренять зло. Вотъ откуда вытекаетъ, по Апостолу, необходимость какъ повиновенія власти царя, такъ и самой власти. Отсюда же вытекаетъ логически и та мысль Апостола, что противящійся власти противится Богу и вредитъ самому себѣ; потому что эта власть установлена Богомъ въ виду нужды человѣка, слѣдовательно, отвергая эту власть, человѣкъ противится Богу и самъ себѣ вредитъ. Отсюда же вытекаетъ далѣе наставленіе Апостола, опредѣляющее отношеніе подчиненныхъ къ власти: если кто хочетъ не бояться власти, тотъ долженъ всегда благое творить и имѣть будетъ похвалу отъ Господа. Отсюда же наконецъ вытекаетъ и послѣдняя мысль Апостола, что царь

есть Божій слуга, представитель правды Божіей, отмститель неправеднымъ. Общее заключеніе изъ чтенія апостола такое: всѣ подданные обязаны повиноваться царю не по принужденію и боязни, но по своему внутреннему сознанию необходимости повиновенія и по любви къ нему, какъ своему благодѣтелю и, вслѣдствіе того, подданные обязаны повиноваться не только одному царю, но и всѣмъ властямъ отъ него поставляемымъ.

Таковъ смыслъ предлагаемаго за пареміей чтенія апостола. Остается все это подтвердить словами самого Господа нашего Иисуса Христа, — и вотъ, непосредственно за апостоломъ, предлагается вниманію христіанъ чтеніе изъ Евангелія (Мѡ. 22, 15-22), въ которомъ Господь заповѣдуетъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ воздавать Божія Богу, а Кесарева Кесареви. Этимъ, какъ-бы, завершается законность власти, установленной, по Апостолу, отъ Бога, и необходимость повиновенія ей, какъ освященной самимъ Богомъ.

Но чтобы нагляднѣе выразить все величіе царя, его власть и достоинство, Св. Церковь, по прочтеніи апостола и Евангелія, предлагаетъ ему руками первосвященителя, отъ имени Пресвятыя Троицы, царскія регаліи — какъ-то: порфиру, корону, скипетръ или жезль и державу. Значеніе этихъ предметовъ, за исключеніемъ послѣдняго, мы уже показали выше. Всѣ эти предметы вручаются императору при теплой молитвѣ, произносимой устами первосвященителя, чтобы Господь сохранилъ его подѣ

кровомъ своимъ и удостоилъ его «дѣлати благоудная предъ Нимъ».

Благоговѣйное отношеніе Церкви къ личности государя выражается въ слѣдующемъ за тѣмъ привѣтствіи его многолѣтіемъ, въ которомъ испрашивается ему благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе и во всемъ благое поспѣшеніе, на враги же побѣда и одолѣніе.

Само собою понятно, что и государь, при видѣ такого значенія своего, раскрываемаго Церковью, вполне понимаетъ всю трудность выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. А потому, послѣ привѣтствія многолѣтіемъ и поклономъ отъ всѣхъ вѣрно-подданныхъ, онъ возсылаетъ къ Богу съ колѣнопреклоненіемъ умиленную молитву, въ которой проситъ Господа, «чтобы Онъ наставилъ его въ великомъ служеніи царствованія, послалъ ему премудрость, присѣдающую престолу Его, съ которою онъ уразумѣлъ бы, что благоудно Богови». Сердце свое предаетъ въ руки Божіи для устройства блага врученныхъ ему людей.

Что можетъ лучше выразить отношеніе царя къ своимъ подчиненнымъ? Онъ оказывается самымъ нѣжнымъ и добрымъ отцемъ, заботящимся о благоденствіи своихъ чадъ, когда такъ усердно—съ колѣнопреклоненіемъ проситъ у Господа премудрости и силы къ благоустроенію своего государства, проситъ Бога о томъ, чтобы Онъ содѣйствовалъ ему принести какъ можно болѣе блага своимъ подчиненнымъ.

Пѣтъ ничего удивительнаго, что и Церковь, въ лицѣ подчиненныхъ государя, вполне понимаетъ и цѣнитъ такое отеческое отношеніе къ нимъ государя и потому глубоко чувствуетъ какъ утрату, такъ и пріобрѣтеніе государя, такъ что первое—т. е. лишеніе государя, считаетъ наказаніемъ Божиимъ за грѣхи, а второе—избраніе и помазаніе государя—благодѣяніемъ Божиимъ. А потому, какъ первое сопровождается великою скорбію, такъ второе великою радостію, торжествомъ и благодареніемъ Господа за оказанное Имъ благодѣяніе въ избраніи новаго государя. Это весьма ясно выражается въ молитвѣ, слѣдующей за молитвою государя, произносимой первосвятителемъ съ колѣнопреклоненіемъ отъ лица всей Церкви—всѣхъ подданныхъ государя. Въ этой молитвѣ прежде всего возносится благодареніе Господу за то, что Онъ призрѣлъ на недостойныхъ рабъ своихъ и «сотворилъ не по беззаконіямъ ихъ, ниже по грѣхомъ воздалъ имъ». Далѣе выражается исповѣданіе: «согрѣшихомъ, Господи, и беззаконновахомъ, и крайняго твоего отвращенія достойни сотворихомся. Но Ты, о неизреченная благость, наказалъ насъ краткимъ посѣщеніемъ печали (указывая этимъ на смерть предшествовавшаго императора), но теперь изобильно исполнилъ сердца наша веселіемъ и радостію, утвердивъ на престолѣ царствовать надъ нами возлюбленнаго раба твоего императора (имя рекъ)». Выразивъ свою радость и благодареніе Богу, что Онъ не оставилъ своихъ чадъ въ печали, сирыми—безъ отца—импе-

ратора, Церковь далѣе испрашиваетъ ему мудрость и разумъ, чтобы хорошо управлять ему всѣмъ царствомъ, творить судъ и правду и всѣхъ подданныхъ сохранить въ тишинѣ и безъ печали,—чтобы врагамъ онъ являлся всегда побѣдителемъ, злодѣямъ — страшнымъ, добрымъ — милостивымъ и благонадежнымъ».

Къ этимъ прошеніямъ Церковь присоединяетъ еще слѣдующія прошенія, имѣющія непосредственное отношеніе къ самой личности царя: умноженіе дней живота въ здравіи и благополучіи. Это есть прямое выраженіе того, что царь необходимъ для всѣхъ подданныхъ, почему они и дорожатъ его многолѣтнимъ благоденствіемъ въ здравіи и благополучіи, и просятъ объ этомъ такъ усердно Бога.

Но этимъ еще не оканчивается молитва. За испрошеніемъ долготѣтія государю испрашивается подчиненнымъ ему правительствамъ направленіе на путь истины и правды, и всѣмъ вѣрно подданнымъ — «миръ, безмолвіе и благопоспѣшество, благораствореніе воздуха, плодородіе земли, и вся къ временной и вѣчной жизни потребная». — Молитва эта заканчивается выраженіемъ полной надежды на полученіе просямаго; потому что Богъ, еще прежде прошенія, знаетъ требуемое и, по своему милосердію, подаетъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него.

Таково содержаніе молитвы, возносимой устами первосвященника отъ лица всей церкви. Продолженіемъ ея служитъ иѣсьнъ Амвросія Медиоланскаго: «Тебе Бога хвалимъ». Чувствуя глубочайшую благодар-

ность къ Избавителю всѣхъ Богу, Церковь пѣниемъ этой пѣсни какъ бы сливаетъ свой хвалебный голосъ съ голосомъ всей твари, которая прославляетъ Бога Творца, Промыслителя и Спасителя; не ограничивается своимъ внутреннимъ торжествомъ, она какъ бы дѣлится своими радостными чувствами со всею тварію, которую и призываетъ вмѣстѣ съ собою хвалить, благодарить и прославлять милосердіе Божіе.

По окончаніи пѣсни Амвросія Медиоланскаго начинается обыкновеннымъ порядкомъ литургія, въ концѣ которой совершается помазаніе св. муромъ. Эта часть есть самая важная во всемъ священнодѣйствіи вѣнчанія царей на царство. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію ея, укажемъ нѣкоторыя особенности, бывшія у Грековъ при совершеніи этого обряда, которыя могутъ характеризовать взглядъ ихъ на личность Царя.

Предъ началомъ литургіи, послѣ совершенія взаимной клятвы императоромъ и подчиненными, новоизбраннаго помазанника Божія сажали на щитъ, прикрѣпленный къ копьямъ, и поднимали вверхъ, при радостныхъ восклицаніяхъ народа и торжественныхъ выраженіяхъ всевозможныхъ благожеланій. Обычай поднятія на щитъ новоизбраннаго императора у древнихъ народовъ былъ въ употребленіи тогда, когда царь оставался побѣдителемъ въ знаменитыхъ какихъ либо войнахъ, и служилъ выраженіемъ особеннаго торжества и чести побѣдителя. А потому, этотъ обычай, перенесенный въ об-

рядъ священнаго вѣчанія царей на царство, имѣетъ такой смыслъ и значеніе: онъ выражаетъ, что новоизбираемый императоръ долженъ всегда оставаться побѣдителемъ всѣхъ своихъ враговъ, и своими торжественными побѣдами прославиться предъ всеми земными (языческими) царями. Но такъ какъ этого торжества надъ всеми языческими царями можно достигнуть только при содѣйствіи креста, какъ это и было открыто Константину Великому (τοῦτο μὲν), то къ щиту всегда прикрѣпляли крестъ, величиною въ ростъ чловѣка, съ четырьмя греческими буквами β, прикрѣпленными къ четыремъ концамъ креста. Эти четыре буквы были сокращеніемъ слѣдующихъ словъ:— βασιλεὺς βασιλέων, βασιλέων, βασιλεύσει (царь царей, царствуя, восцарствуетъ) и служили прямымъ разъясненіемъ самаго обычая—поднимать на щитъ новоизбраннаго императора, какъ это мы сейчасъ показали.

Съ другой стороны, этотъ обычай съ самыхъ древнихъ временъ служилъ выраженіемъ преданности войска къ своему царю и готовности защищать его. Поэтому, этотъ обычай, разсматриваемый въ связи съ предшествующею ему взаимной клятвой императора и подданныхъ будетъ имѣть такой смыслъ: новоизбираемый императоръ обязанъ защищать и охранять своихъ подданныхъ отъ внѣшнихъ враговъ, а подчиненные и преимущественно войско обязано охранять и защищать самую личность царя *).

*) Не излишне здѣсь замѣтить, что отъ указаннаго—обычая поднимать императора на копьяхъ, къ которымъ прикрѣплялся щитъ, взяты слова из-

Такой смысл и значеніе указаннаго обычая подтверждается отчасти и молитвою, которую возносилъ патриархъ на литургіи предъ пѣніемъ «Святый Боже». Въ этой молитвѣ патриархъ испрашивалъ у Господа помазуемому императору даровъ благодати, долготѣіе, «скипетръ спасенія, правды», огражденіе его «всеоружіемъ Св. Духа», покореніе варварскихъ языковъ, страхъ въ сердцѣ и милосердіе къ подданнымъ, сохраненіе его въ непорочной вѣрѣ, испрашивалъ у Господа, чтобы Онъ показалъ въ немъ вѣрнаго стража учений Св. Церкви Каѳолической. «Да судитъ народъ твой», обращался святитель къ Богу, «въ правдѣ, и нищихъ твоихъ въ судѣ, да спасетъ сыновъ убогихъ и содѣлается наслѣдникомъ твоего царствія». Далѣе, когда императоръ и всѣ предстоящіе преклоняли главы своя, патриархъ продолжалъ молить Господа, чтобы Онъ сохранилъ императора подъ кровомъ своимъ, укрѣпилъ его царство, сподобилъ его творить всегда благоугодное Богу: «да возсіяетъ во днѣхъ его правда и множество мира, да въ тихости его мирное и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ».

Кромѣ обычая поднимать на щитѣ новоизбраннаго государя, значеніе котораго мы уже раскрыли, былъ еще обычай у Грековъ, въ силу котораго новопомазаный императоръ участвовалъ даже въ великомъ выходѣ на литургіи. Это было такъ: во вѣстной церковной пѣснѣ «Херувимской»: Яко да Царя всѣхъ подыmemъ, ангельскими невидимо догуносима (греч. слово *δῶρον*—означ. копье) чинимъ.

время жизни херувимской императоръ былъ вводимъ двумя диаконами подъ руки въ алтарь къ жертвеннику, гдѣ онъ надѣвалъ на себя, по верхъ порфиры золотошвенную ризу и открывалъ свою особую большую выходъ—съ крестомъ въ правой рукѣ и золотымъ прутикомъ въ лѣвой, какъ символомъ его власти наказывать виновныхъ, но только во имя правды, требуемой крестомъ. По обѣимъ сторонамъ его сопровождали нажи, частью вооруженные, а частью невооруженные, числомъ до ста. За ними слѣдовали священно-служащіе съ священными изображеніями и дарами, приготовленными для священнодѣйствія.

Это участіе новопомазанныхъ императоровъ въ великомъ выходѣ служило выраженіемъ того, что земные цари суть какъ бы предтечи и представители Царя Небеснаго и поставляются на престолъ для того, чтобы своимъ служеніемъ государству готовить подданныхъ къ служенію правды и истинѣ—къ служенію Царю всѣхъ царей. Выражаясь библейскимъ языкомъ, этотъ обрядъ означаетъ то, что цари земные своимъ служеніемъ какъ бы уготовляютъ путь Тому, Кто сильнѣе ихъ и грядетъ со тьмами ангеловъ судить весь міръ. По смыслу этого обычая выходитъ, что цари земные носятъ на себѣ образъ славы и величія, правосудія и милосердія Царя Небеснаго, милующаго всѣхъ кающихся, ручательствомъ чего служитъ крестъ, и наказующаго мераскаявшихъ грѣшниковъ, символиче-

скимъ выраженіемъ чего служить золотой прутикъ въ лѣвой рукѣ императора.

Это то высокое значеніе служенія государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудность этого служенія болѣе всего выражаетъ помазаніе Св. муромъ. Оно ясно показываетъ, что для прохожденія царскаго служенія требуется сугубое изліяніе даровъ Св. Духа. Съ другой стороны это священнодѣйствіе вторичнаго помазанія государя Св. муромъ ясно выражаетъ то, что онъ, хотя избирается изъ смертныхъ людей, но, по своему положенію, по тому служенію, какое на него возложено Церковію и народомъ, онъ становится выше всѣхъ людей, такъ что къ нему всѣмъ должно питать страхъ и благоговѣніе, по высотѣ его положенія и власти, данной ему надъ всѣми.

Нельзя оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что муропомазаніе государя заканчивается причащеніемъ тѣла и крови Христа Спасителя. Причащеніе это совершается предъ престоломъ, куда императоръ входитъ царскими вратами, и, при томъ, подъ обоими видами порознь, по примѣру священнослужащихъ. Такая привиллегія въ образѣ причащенія ясно возвышаетъ императора надъ прочими смертными, поставляя его какъ бы на ряду съ служителями Бога предъ Его престоломъ. Но, съ другой стороны, самое причащеніе тѣла и крови Господней внушаетъ вѣрующимъ, что государь при всемъ своемъ величій, какъ истинный христіанинъ, есть братъ всякаго христіанина, что онъ, при всемъ отдаленіи своего высокаго положенія, близокъ ко

всѣмъ; потому что онъ также, какъ и прочіе люди, искупленъ кровію Христа Спасителя и въ день суда будетъ судимъ праведнымъ Судіею, подобно всѣмъ людямъ.—Такимъ образомъ, Св. Церковь, нисколько не противорѣча себѣ, внушаетъ вѣрующимъ: то высоту и величіе императора, по его временному положенію, то его равенство со всѣми вѣрующими, по заслугамъ Христа Спасителя. Великъ онъ предъ всѣми, какъ царь и управитель земли, а равенъ онъ со всѣми, какъ христіанинъ, какъ сынъ одного Отца Небеснаго, не пощадившаго Своего Единороднаго Сына для искупленія всѣхъ людей. Наконецъ, равенъ онъ со всѣми, какъ человѣкъ, потому что одинъ путь всѣмъ предстоить—это обратиться въ персть, изъ которой каждый и взятъ.

Въ виду послѣдняго въ древности былъ обычай, по совершеніи всего, подходить къ императору съ сосудомъ, наполненнымъ прахомъ и мертвыми костями, и клокомъ льна, расчесаннымъ въ тончайшій волосокъ. Къ льну подносился огонь, который пожиралъ его въ одно мгновленіе. Иногда подходили къ императору съ нѣсколькими мраморными камнями и спрашивали его, изъ какого камня онъ прикажетъ сдѣлать себѣ гробницу. Этими и подобными вопросами и дѣйствіями императору давался урокъ смиренія, урокъ, говорившій ему, что и онъ человѣкъ, и слѣдовательно, рано ли, поздно ли подвергнется общей участи, и что жизнь его также кратковременна, и подвержена случайностямъ, какъ—и всякаго человѣка.

Выходя изъ такого представленія личности государя, какъ челоѣка, Св. Церковь, въ виду того, что жизнь его можетъ быть подвергнута тѣмъ же случайностямъ и опасностямъ, какъ и всякаго челоѣка, а съ другой стороны, такъ какъ жизнь и благоденствіе государя необходимо и драгоцѣнно для многихъ милліоновъ людей—въ виду всего этого, говоримъ, Св. Церковь установила ежедневно на каждомъ богослуженіи возсылать теплыя молитвы къ Богу о здравіи и благоденствіи государя.—Далѣе, такъ какъ въ жизни государя и для государства важнѣе всего освященіе и узаконеніе его власти, то Св. Церковь, освятивъ и узаконивъ однажды данную императору власть, ежегодно, съ особенною торжественностію, празднуетъ тѣ дни, въ которые освящена и узаконена эта власть—дни восшествія на престоль и коронованія государя императора. Торжество этихъ дней, главнымъ образомъ, состоитъ въ молитвѣ за царя и все его царство. Нельзя не видѣть въ этомъ установленіи той материнской заботы Св. Церкви, съ которою она, испросивъ однажды государю милость у Бога, духовную крѣпость и мудрость въ управленіи, не перестаетъ ходатайствовать за него предъ Богомъ во всю его жизнь. Съ другой стороны нельзя не видѣть и того, на сколько считаетъ она личность государя необходимою и полезною, какъ для государства, такъ и для церкви, если она такъ усердно молится за него Богу.

Мы раскрыли, какъ смотритъ на власть и лич-

ность царя Слово Божіе и Церковь. Остается намъ теперь быть внимательными къ голосу того и другой, къ голосу, призывающему насъ относиться съ полнѣйшимъ уваженіемъ и покорностію къ власти государя и съ благоговѣніемъ къ самой личности его. Нашъ долгъ, по отношенію къ государю, служить ему какъ представителю правды Божіей, любить его, какъ благодѣтеля и отца, заботящагося о своихъ подданныхъ, и молиться за него Богу, какъ за главу государства, благоденствіе котораго обуславливается, главнымъ образомъ, благоденствіемъ самой главы.

Положеніе педагогики въ курсѣ Семинарскихъ наукъ.

И общество и правительство справедливо считаютъ среднія учебныя заведенія «центральными пунктами въ системѣ народнаго образованія» и вполнѣ цѣлесообразно направляютъ свою заботливость на нихъ. Средними учебными заведеніями главнѣйшимъ образомъ, обезпечиваются успѣхи начального народнаго образованія, составляющаго, въ послѣднее время по выраженію Министерства Народнаго Просвѣщенія «одинъ изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ интересовъ Русскаго народа и Русскаго государства ¹⁾». Народное образованіе— вотъ та высокая цѣль, которую должны, главнымъ

1) См. жур. Мин. Народ. Просв. янв. 1867 г. совр. лѣт. стр. 16.

образомъ, имѣть въ виду всѣ среднеучебныя введенія; просвѣтительное вліяніе на народную жизнь во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ—прямое повышеніе уровня умственныхъ воззрѣній и нравственныхъ стремленій общества—вотъ та задача, которую всѣ онѣ должны преслѣдовать.

Отсюда, понятно высокое значеніе въ системѣ общечеловѣческаго образованія науки о воспитаніи и первоначальномъ обученіи (педагогике); понятно, что ей должно принадлежать по праву одно изъ самыхъ почтенныхъ мѣстъ въ программахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Педагогика въ системѣ нашего, такъ называемаго, общечеловѣческаго образованія—наука еще молодая. У просвѣщеннѣйшихъ народовъ Запада она давно уже заняла надлежащее мѣсто въ школѣ и литературѣ; тамъ начиная съ послѣднихъ годовъ прошедшаго столѣтія, выработывались разнообразнѣйшія теоріи воспитанія, создавалась огромная педагогическая литература, явилось множество спеціально—педагогическихъ учебныхъ заведеній, журналовъ и т. п. У насъ, педагогическія идеи оживились только въ 60 годахъ. Иначе и быть не могло: до освобожденія крестьянъ никакія педагогическія мѣропріятія не могли принести пользы; народу было не до грамотности. Великій день возрожденія русскаго народа къ новой жизни былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ возбужденія вопроса о народномъ образованіи. Лишь только общественное сознаніе поуспокоилось нѣсколько отъ того радостнаго волненія, въ

какое оно приведено было уничтоженіемъ народной неволи, толкнуто народномъ образованіи поднялись съ необыкновенной силой. Мы хотѣли какъ—бы наверстать опущенное! Кто не помнитъ, съ какою быстротою возникали и распространялись тогда у насъ воскресныя школы, съ какимъ энтузіазмомъ наша молодежь принялась за обученіе простолюдина грамотѣ, съ какою энергіей подняла свой голосъ литература и т. п. Мы хотѣли будто, въ нѣсколько лѣтъ, поровняться съ просвѣщенными народами Запада, забывъ, что въ историческомъ развитіи не бываетъ и быть не можетъ скачковъ. Увлечение прошло: воскресныя школы закрылись такъ же быстро, какъ и создались; педагоги—энтузіасты принялись за свои очередныя занятія. Мы очутились, какъ и слѣдуетъ быть, только у предверія педагогической науки; мы сознали, что, прежде чѣмъ учить народъ, слѣдуетъ научиться учить. И дѣйствительно, подъ вліяніемъ такого совершенно здраваго размышленія, и у насъ педагогика, мало по малу входила въ программы среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, появилось нѣсколько проектовъ для учрежденія учительскихъ семинарій, открывались педагогическіе курсы при уѣздныхъ училищахъ и мн. др. Земскія учрежденія приняли самое живое и дѣятельное участіе въ рѣшеніи труднаго вопроса о народномъ образованіи: онѣ готовы были, такъ сказать, отодвинуть изъ—за него на задній планъ рѣшеніе многихъ другихъ существеннѣйшихъ задачъ земскихъ. Въ это же время и литература и Минис-

терство Народнаго Просвѣщенія обратили вниманіе на воспитанниковъ духовныхъ семинарій, какъ на людей, скорѣе всего способныхъ выполнить высокую задачу народныхъ учителей. Министерство заявило, что «забота о приготовленіи учителей народныхъ училищъ не могла быть признана въ то время главною заботою его, и еще менѣе должна занимать и тревожить земскія учрежденія» ибо «благодаря мѣрамъ, принятымъ по вѣдомству православнаго духовенства, вопросъ о хорошио подготовленныхъ учителяхъ для народныхъ школъ можетъ почитаться удовлетворительно рѣшеннымъ²⁾».

Наступила, такимъ образомъ, пора болѣе спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ вопросу о приготовленіи учителей для народныхъ школъ. На предположеніе нѣкоторыхъ, будто наши духовныя семинаріи не могутъ дать хорошихъ народныхъ учителей, слышались вполнѣ удовлетворительныя отвѣты. Люди благомыслящіе справедливо доказывали, что воспитанники духовныхъ семинарій, дѣйствительно, не могутъ занимать мѣстъ учителей въ народныхъ школахъ; но не потому, чтобы они были не способны къ этому дѣлу, а потому, что при томъ образованіи, какое получаютъ воспитанники семинарій, было бы странно ожидать, что они согласятся промѣнять возможное для нихъ положеніе въ званіи священника на не обезпеченное положеніе учителя народной школы. «Извѣстно, говорилъ одинъ изъ такихъ защитниковъ семинарскаго образованія,

2) Журн. М. Н. Просв. янв. 1867 г. совр. дѣл. стр. 16, № 7 (8)

что воспитанники духовныхъ семинарій, если захотятъ быть учителями сельскихъ школъ, то легко могутъ стать отличными учителями, но въ томъ и дѣло, что они не захотятъ быть учителями»). Потребность въ специально—педагогическихъ учрежденіяхъ выяснялась, такимъ образомъ, постепенно болѣе и болѣе и онѣ, наконецъ, упрочились въ формѣ учительскихъ семинарій и педагогическихъ курсовъ. Въ настоящее время педагогика преподается не только въ такъ называемыхъ педагогическихъ курсахъ и учительскихъ семинаріяхъ, специально назначенныхъ для приготовленія учителей въ народныя школы, но и во всѣхъ почти среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ. Какъ ведется у насъ это дѣло—рѣшить трудно. Не мало, впрочемъ, можно найти основаній для того, чтобы заподозрить возможность полнаго успѣха его. Укажемъ только на главнѣйшія изъ нихъ: у насъ, во первыхъ, до настоящаго времени нѣтъ руководствъ по педагогикѣ, вполне приспособленныхъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ—даже переводныхъ, такъ какъ иностранныя руководства, построенныя въ большинствѣ случаевъ, на началахъ Бенедикскихъ психологическихъ воззрѣній, (каково, напр. руководство Диттеса, переведенное Паульсономъ) не могутъ быть приспособлены къ нашимъ среднеучебнымъ заведеніямъ, во вторыхъ преподаваніе педагогики совершается у насъ большею частію въ фор-

3) Учет. 1869 г. № 2, стр. 34.

мѣ связныхъ лекцій, — формѣ болѣе всего неудобной при сообщеніи педагогическихъ знаній. «Правильное пониманіе и прочное усвоеніе педагогическихъ истинъ учениками, не достигшими еще полного своего развитія, возможно только въ такомъ случаѣ, когда истины эти передаются не въ связныхъ лекціяхъ, а въ живыхъ бесѣдахъ, въ которыхъ преподаватель, возбуждая умственную самостоятельность учениковъ, заставляетъ ихъ тутъ же высказывать свое сужденіе о сообщенномъ и, гдѣ нужно, устраняетъ недоразумѣнія и ложные взгляды дополнительными поясненіями. Но и эта форма преподаванія принесетъ мало пользы и легко можетъ превратиться въ безцѣльное разсужденіе о всякой всячинѣ, если учебный матеріалъ не будетъ въ точности опредѣленъ программой, сообразной съ цѣлю заведенія, и если въ основу преподаванія не будетъ положено руководство, которое могло бы служить преподавателю конспектомъ для его бесѣдъ, а ученикамъ — компендіемъ для повторенія пройденнаго въ классѣ⁴⁾».

Вотъ наиболѣе выдающіяся и чаще другихъ указываемыя причины замѣченной у насъ неудовлетворительности преподаванія педагогики во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и духовныхъ семинарій. Устранить эти недостатки можетъ только время и дальнѣйшее развитіе педагогической науки и воспитательной практики. Но есть еще причины, гораздо легче удобоустранимыя и дѣй-

4) Очеркъ практ. пед. Диттеса введ. Паульсона стр. IV.

ствующія, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, о которыхъ мы говоримъ, за исключеніемъ духовныхъ семинарій. Устранить эти причины наша педагогическая наука — будетъ имѣть возможность только въ такомъ случаѣ, если преподаваніе педагогикѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ идти въ живой органической связи съ религіозными и философскими науками, подобно тому какъ оно идетъ, въ настоящее время, въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ.

Слово — воспитывать, въ общемъ смыслѣ значить питать тѣло и душу ребенка до полного ихъ развитія, — до того времени, пока онъ достигнетъ такой степени самостоятельности и самодѣятельности, что будетъ самъ питаться и самъ находить для себя продукты питания, разнообразныя, конечно, настолько же, насколько разнообразна человѣческая природа, и соотвѣтствующіе вполне тѣмъ высокимъ цѣлямъ, для которыхъ созданъ человѣкъ и къ которымъ стремится человѣчество. Общая цѣль педагогической науки совпадаетъ, такимъ образомъ, съ общими цѣлями развитія человѣка и человѣчества. Понятно, отсюда, что эта наука, болѣе чѣмъ всякая другая, должна быть сознательно — разумною. Людямъ, посвящающимъ себя воспитательной дѣятельности, прежде всего, нужно дать себѣ отчетъ въ цѣли воспитанія, а потомъ уже знакомиться съ тѣми средствами, какія практикуются школою и жизнью — указываются наукою и опытомъ, для достиженія этой цѣли.

Такъ какъ задачею педагогики служить воспитаніе человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, то ясно, что самому воспитанію должно предшествовать: 1) все-стороннее и отчетливое знаніе: человѣческой природы, законовъ ея развитія и усовершенствованія; 2) конечныхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ человѣчество.

«Только изучая природу, мы можемъ надѣяться управлять ею и заставить ее дѣйствовать сообразно нашимъ цѣлямъ». *Бетанковъ.*

«Правила воспитанія не создаются; ихъ надо искать въ человѣческой природѣ». *Дистервегъ.*

Если агрономъ или садоводъ для того, чтобы вести свое дѣло рационально, должны бывать ознакомлены предварительно съ тѣми изъ законовъ природы, которые являются дѣятелями (агентами) въ области ихъ занятій, — должны теоретически и опытно ознакомиться съ свойствами почвы, законами растительнаго царства и ихъ взаимодѣйствія при тѣхъ или другихъ условіяхъ; то тѣмъ болѣе педагогъ должна лежать обязанность ознакомиться предварительно съ законами физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія человѣческой природы и ихъ взаимодѣйствія между собою. Если не желать думать, что агрономъ и садоводъ сдѣлаютъ свое дѣло рационально, лишь только первый броситъ семена, не обращая вниманія на условія ихъ развитія

и возрастанія, въ первую попавшуюся, наскоро приготовленную къ посѣву, почву, а второй посадилъ ростокъ при тѣхъ же условіяхъ; то тѣмъ болѣе неслѣбно думать, что педагогъ, прочитавшій, или даже изучившій случайно нѣсколько педагогическихъ руководствъ, можетъ сдѣлать чтонибудь рациональное въ области своей специальности. Педагогика (въ смыслѣ педагогическаго руководства) въ томъ видѣ, въ какомъ она является, не только у насъ, но даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ Запада *) ни въ какомъ случаѣ, сама по себѣ, не можетъ образовывать педагоговъ, подобно тому, какъ одно знакомство съ ботаникой, безъ знакомства съ физикой, не можетъ образовывать агрономовъ и садоводовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ являются пока наши руководства по педагогикѣ?—Ни болѣе, ни менѣе, какъ сборниками правилъ воспитательной дѣятельности, а сборниками, по мѣткому сравненію Ушинскаго, педагогическихъ рецептовъ, такъ сказать. Но какъ медикамъ, продолжимъ сравненіе, было бы совершенно неслѣбно пограничиться изученіемъ терапіи, о такъ готовящимъ себя къ воспитательной дѣятельности недостаточно знакомства съ одними педагогическими руководствами въ указанномъ выше видѣ ихъ. Что сказали бы вы, говорить тотъ же авторъ, о человѣкѣ, который, не зная ни анатоміи, ни физиологіи, ни патологіи, не говоря уже о физикѣ, химіи и естественныхъ наукахъ, изучилъ бы

*) Достаточно прочитать: Очеркъ исторіи обученія и воспитанія съ древнихъ до нашихъ времънъ. Сочиненіе Г. В. Вилькинского. М., 1878.

одну терапію и лечилъ бы по ея рецептамъ, тоже почти можете высказать и о человѣкѣ, который изучилъ бы только однѣ правила воспитанія, обыкновенно излагаемыя въ педагогикахъ, и соображался бы въ своей воспитательной дѣятельности съ однѣми этими правилами. И какъ мы не называемъ медикомъ того, кто знаетъ только «лечебники», и даже лечитъ по «Другу здравія» и тому подобнымъ собраніямъ рецептовъ и медицинскихъ совѣтовъ; точно также не можемъ мы назвать педагогомъ того, кто изучилъ только нѣсколько учебниковъ педагогики и руководствуется въ своей воспитательной дѣятельности правилами и наставленіями, помѣщенными въ этихъ педагогикахъ, не изучивъ тѣхъ явленій природы и души человѣческой, на которыхъ, быть—можетъ, основаны эти правила и наставленія ⁶⁾».

Педагогикѣ въ смыслѣ сборника разнаго рода отрывочныхъ, никакимъ внутреннимъ началомъ (принципомъ) не объединенныхъ, наставленій, выраженныхъ «въ повелительной формѣ» нужно отличать отъ педагогики вообще,—отъ той отрасли человѣческаго знанія, которая должна имѣть задачей своею: сдѣлать одно поколѣніе человѣческое способнымъ воспитывать рационально другое; одного человека—опытнымъ руководителемъ другаго. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, педагогика будетъ собраніемъ всѣхъ тѣхъ наукъ, которыхъ совокупность, когда-то нераздѣльная—носила названіе антропологіи, и

6) Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, Ушинскаго; введ. стр. III.

которые, въ новое время исторіи, раздѣлились и специализировались въ отдѣльныя, самостоятельныя науки, каковы: а) соматологія или физиологія т. е. наука, занимающаяся устройствомъ человѣческаго тѣла, разнаго рода перемѣнами, происходящими въ немъ, равно какъ и условіями развитія физической жизни въ человѣкѣ вообще; б) психологія, занимающаяся законами развитія человѣческой души и в) педагогика или этика, обязанная выяснить предъ будущимъ воспитателемъ сущность обязанностей, налагаемыхъ на человѣка его высокимъ назначеніемъ. Педагогическіе совѣты и наставленія не создаются теоретическимъ мышленіемъ: онѣ выводятся изъ основныхъ законовъ и свойствъ человѣческой природы, обосновываются на началахъ науки, болѣе или менѣе, провѣренныхъ опытомъ и получившихъ отъ послѣдняго условія свою санкцію.

Понятно изъ сказаннаго, что только тотъ можетъ быть воспитателемъ, кто изучилъ педагогикъ, понимаемую въ этомъ, именно, послѣднемъ смыслѣ; кто, не только знакомъ съ педагогическими совѣтами и приемами, но и съ тѣми началами (принципами), на которыхъ они основаны и которыя одни только дѣлаютъ возможнымъ рациональное примѣненіе общихъ совѣтовъ и наставленій къ дѣлу воспитанія, во всякомъ данномъ случаѣ и при всѣхъ возможныхъ условіяхъ Имѣя въ виду узость нашей задачи, мы могли бы этимъ и ограничить наши замѣчанія по вопросу о тѣсной внутренне — живой связи педагогикки съ науками о физической и нравствен-

ной природѣ человѣческой, если бы положительныя противорѣчія этой связи, замѣчаемыя не только въ обыденномъ, общественномъ сознаниі, но и въ педагогическихъ сферахъ ¹⁾, не вынуждали насъ съ особенною силою настаивать на затронутомъ вопросѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко приходится, въ настоящее время, встрѣчать въ обществѣ такихъ людей, которые относятся къ педагогикѣ—наукѣ съ довѣріемъ, достойнымъ развѣ календарей, и то не многихъ. Какъ часто приходится выслушивать жалобы въ родѣ той, что педагоговъ-то у насъ не мало, а ни одной порядочной педагогики нѣтъ и т. п. Попробуйте разуверять этихъ гг. и вамъ поставятъ на видъ цѣлые сотни фактовъ, дѣйствительно съ поразительною силою подтверждающихъ и недовѣріе къ наукѣ и сомнѣніе относительно наличныхъ способностей нашихъ учебныхъ педагоговъ.—Помилуйте, скажутъ вамъ, такіе-то N. N. воспитываютъ дѣтей по системѣ Фребеля, а такіе-то руководятся педагогическими совѣтами Песталоцци и Дистервега, и что же выходитъ: у однихъ—дѣти, не только не походятъ на тѣхъ рѣзвыхъ, здоровыхъ, живыхъ дѣтей, какими Фребель желалъ видѣть своихъ питомцевъ въ «дѣтскихъ садахъ», но далеко уступаютъ даже тѣмъ, которые воспитывались по совѣтамъ и наставленіямъ простыхъ деревенскихъ на-

7) Взгляните хотя на программу спеціального испытанія на званіе учителя; тамъ вы не встрѣтите и помину о пригготовительныхъ наукахъ къ педагогическому званію; да и самая педагогика введена лишь годъ тому назадъ.

некъ, не умѣющихъ ни читать, ни писать; у другихъ—природа дѣтей, не только не поддавалась той полировке, какая должна быть естественнымъ результатомъ разумнаго примѣненія въ воспитаніи правилъ Дистервега и Песталоцци; но представляетъ собою какую-то жалкую пародію на дѣтскую природу вообще, въ ея естественномъ, не тронутомъ рукою педагога, состояніи ⁸⁾).

Выслушавъ такого собесѣдника, не спѣшите сомнѣваться относительно истинности его показаній,—не думайте, чтобы въ дѣйствительности была не возможна такая жалкая профанация самыхъ возвышенныхъ идей, самыхъ гуманнѣхъ воззрѣній. Она возможна и не такъ даже рѣдка, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда; она существуетъ въ дѣйствительности и, несомнѣнно, будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока въ отвлеченныхъ, отрывочныхъ и безсвязныхъ педагогическихъ совѣтахъ и наставленіяхъ будутъ видѣть всю суть педагогіи. Отъ чего же зависитъ такое жалкое по результатамъ приложеніе къ дѣлу лучшихъ педагогическихъ идей и наставленій? Правильному и наглядному рѣшенію этого вопроса намъ поможетъ простое сравненіе педагогическаго дѣла съ медицинскимъ искусствомъ.

Предположимъ, что медикъ, изучившій одну терапію, принимается лечить болѣзнь. По заведенно-

8) Право, не знаешь—чему болѣе удивляться при этомъ: слѣпому ли довѣрью ко всему печатному, или той холодности, съ какою сердце матеря производитъ жалкую практику педагогическимъ теоріямъ надъ собственнымъ ребенкомъ.

му искони порядку онъ осматриваетъ больного (конечно ничего не успѣвая узнать при этомъ) и затѣмъ даетъ рецептъ, означенный въ его сборникѣ рецептовъ подѣ тою болѣзнію, которую онъ предположилъ въ пациентѣ. Больной лечится мѣсяць, другой—все хуже и хуже; пользы никакой, а вредъ очевиденъ. Наконецъ то, по собственному ли побужденію или по совѣту добрыхъ людей, призывается другой медикъ, осматриваетъ больного и объявляетъ, что прежній или лечилъ отъ катарра вмѣсто того, чтобы лечить отъ геммороя, или прописалъ приемъ лекарства въ 10% болѣе, или менѣе противъ той пропорціи, какую нужно было принимать больному, при его организаціи. Приписываются новыя лекарства, но онѣ уже оказываются безсильными возстановить здоровье, разстроенное невѣжественнымъ леченіемъ, и больной преждевременно прощается съ жизнью. Скажите, пожалуйста, кто виноватъ здѣсь: мы ли, медикъ ли, или медицинская наука? Я не думаю, чтобы въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ могла встрѣтиться разница. Что наука, здѣсь, ни при чемъ—это кажется не можетъ подлежать сомнѣнію; а между тѣмъ, не подобнаго ли рода случаи, сплошь да рядомъ, встрѣчающіеся не только въ жизни нашего простонародья, но даже и въ среднихъ классахъ общества, вызвали то поголовное недовѣріе народа къ медицинской наукѣ и медикамъ, которое предпочитаетъ пользоваться разнаго рода амулетами, нашептываніями, заклинаніями и т. п. Не то же ли самое, съ буквальною точностію, повторяется и

въ области педагогической практикѣ? Да, такъ. Большинство, и при томъ значительное большинство нашихъ педагоговъ знакомы только съ одними педагогическими руководствами—съ одною, такъ сказать, педагогическою рецептурою; природа человѣческая—почва педагогической дѣятельности—для нихъ такая же terra incognita, какъ для приведеннаго въ примѣръ доктора—организация челоѣка. Какъ послѣдній, такъ и первые дѣлаютъ свое дѣло—машинально. Понятно, потому, что и результаты ихъ дѣятельности должны быть также сходны, какъ и знанія. . . Дѣти, имѣющіе несчастье попадать въ руки такихъ недоучекъ—педагоговъ, очень нерѣдко выходятъ просто уродами въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ; а родители, за тѣмъ, дивятся тому что случилось: учили, молъ, педагогъ и Богъ знаетъ, что это за дитя такое:—въ кого оно пошло—просто никуда не годится и ничего не знаетъ. . . Одинъ, два, три подобныхъ случая и вмѣстѣ съ педагогами теряютъ всякій кредитъ и самая наука—педагогическая и самые методы обученія. Предпочтеніе отдается тѣмъ рутинерамъ и тѣмъ рутиннымъ методамъ (если только употребленіе здѣсь слова методъ не будетъ прозіею) которые увѣковѣчили свое имя въ исторіи, создавъ изъ народныхъ школъ тюрьмы, которыхъ бѣжитъ народъ и страшатся дѣти. Нерѣдко положеніе дѣла выходитъ еще болѣе комичнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жалкимъ: не только родители искалѣченныхъ питомцевъ, но и сами воспитатели теряютъ всякую вѣру

въ свои педагогическія познанія и принимаются за старыя приемы, живущіе въ преданіи и обычаяхъ. И это, какъ увидимъ сейчасъ же, вполне естественно. Непосредственнымъ источникомъ руководящихъ началъ для педагоговъ служатъ съ одной стороны народная жизнь въ ея педагогическихъ преданіяхъ и обычаяхъ, съ другой — личная опытность воспитателя. Отрицать вполне одинъ который либо изъ этихъ источниковъ и довѣряться безусловно другому, — одно изъ наиболее встречающихся въ педагогической практикѣ заблужденій. Молодой педагогъ, являясь въ дѣтскомъ мірѣ, обыкновенно, принимается за реформы: ломаетъ весь строй жизни этого міра, какъ онъ сложился подъ вліяніемъ преданія и обычая. Во имя науки, почерпнувшей свои начала и требованія изъ обширнѣйшаго опыта всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ и строгаго наблюденія и изученія законовъ развитія и усовершенствованія человѣческой природы, онъ отрицаетъ все то, что предлагаютъ ему опытъ и наблюденіе непосредственныя. При такихъ условіяхъ возникаетъ борьба между преданіемъ и обычаемъ съ одной стороны, и новыми принципами воспитанія съ другой, и горе воспитателю, если ему приходится занимать двусмысленную средину между этими борющимися силами нравственнаго міра, — горе ему, если его убѣжденія окажутся слабыми предъ силою преданія и обычая: раньше или позже онъ потеряетъ всякую охоту от-

ставать науку, и подчинится слѣпо требованіямъ обычая и преданія. Отсюда легко видѣть, что педагогу недостаточно имѣть одни педагогическія знанія; ему необходимы педагогическія убѣжденія; только при этомъ условіи онъ можетъ избѣжать крайностей и занять ту средину, которая признается непоколебимой почвой для успѣшнаго веденія педагогическаго дѣла. «Только строго—обработанная наука о воспитаніи, говоритъ Юркевичъ, можетъ сказать воспитателю, въ какомъ случаѣ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи онъ долженъ пользоваться каждою изъ этихъ силъ (т. е. преданія и обычая съ первой стороны и совѣтовъ педагоги съ другой) для своихъ цѣлей, по какимъ признакамъ онъ можетъ узнать, что въ преданіи отжило свой вѣкъ, умерло и потеряло нравственную цѣну и съ другой стороны, что въ новомъ образованіи непрочно и не общепригодно ⁹⁾».

Мы думаемъ, что сказанное достаточно выясняетъ вопросъ о причинѣ неплодотворности у насъ воспитательнаго дѣла и недовѣрія къ наукѣ. Мы думаемъ, далѣе, что будущее нашего педагогическаго дѣла до того времени останется также безнадежнымъ, какъ жалкимъ было наше прошедшее и какъ непривлекательно настоящее, — пока педагогика будетъ изучаться безъ антропологии и, въ особенности, психологии. До того времени никакія попытки поднять ресурсы педагогики не приведутъ къ желаннымъ послѣдствіямъ. Мы, конечно, не хотимъ

9) Чт. о воспитаніи, Юркевича стр. 6.

сказать этимъ, чтобы изученіе педагогики въ среднихъ заведеніяхъ, хотя бы то, въ настоящемъ видѣ, не приносило своей доли пользы,—чтобы между молодыми педагогами, вышедшими изъ этихъ школъ, не нашлось людей съ свѣтлыми взглядами на дѣло. Но вѣдь и фельдшера въ бѣдныхъ мѣстечкахъ и деревняхъ русскихъ, за недостаткомъ медиковъ, приносили не малую пользу народу; но какъ здѣсь, такъ и тамъ возможные случаи успѣха не говорятъ еще о томъ, чтобы не о чемъ было заботиться, успокоившись на томъ, что имѣется.—Но можетъ быть мы преувеличиваемъ нѣсколько положеніе дѣла; можетъ быть для педагога достаточно познакомиться съ нѣсколькими болѣе главными законами физиологической и психической жизни человѣка для того, чтобы, потомъ, изучивъ педагогику—руководство, успѣшно вести дѣло воспитанія?

Мы согласны съ тѣмъ, что лучше что нибудь, чѣмъ ничего; но положительно сомнѣваемся, чтобы нѣсколько отрывочно и схематически сообщенныхъ свѣдѣній изъ психологіи, напр. могли исключать собою возможность тѣхъ недостатковъ въ воспитательномъ дѣлѣ, на которые мы указали выше. Сомнѣваемся, не потому только, что эти свѣдѣнія ни въ какомъ случаѣ, не могутъ дать изучающему возможности знать человѣческую природу въ ея цѣлостномъ органическомъ образѣ, но и потому, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть на столько основательны, чтобы изучившій ихъ могъ отнестись къ нимъ критически; а это въ высшей сте-

пени необходимо. «Мало еще, гов. Ушинскій, имѣть въ памяти тѣ факты различныхъ наукъ, изъ которыхъ могутъ возникнуть педагогическія правила. надобно еще сопоставить эти факты лицомъ къ лицу, съ цѣлью допытаться отъ нихъ прямого указанія послѣдствій тѣхъ или другихъ педагогическихъ мѣръ и приемовъ. Каждая наука сама по себѣ только сообщаетъ свои факты, мало заботясь о сравненіи ихъ съ фактами другихъ наукъ и о томъ приложеніи ихъ, которое можетъ быть сдѣлано въ искусствахъ и вообще въ практической дѣятельности. На обязанности же самихъ воспитателей лежитъ извлечь изъ массы фактовъ каждой науки тѣ, которые могутъ имѣть приложеніе въ дѣлѣ воспитанія, свести эти избранные факты лицомъ къ лицу и тѣмъ избѣгать односторонностей, нигдѣ столь вредныхъ, какъ въ практическомъ дѣлѣ воспитанія¹⁰⁾».

Различіе, и взаимодействіе основныхъ началъ человѣческой природы, — составляющія самую трудную и вмѣстѣ сложную часть антропологии, не могутъ быть поняты иначе, какъ при болѣе или менѣе цѣлостномъ и систематическомъ знакомствѣ съ наукою, специально занимающеюся этими вопросами. Конечно не много нужно наблюдательности, справедливо замѣтилъ какой то педагогъ, чтобы отличить органическую жидкость известную подъ именемъ «слезъ», отъ чувства, которымъ сопровождается молитва того, кому «вѣрится и плачется». Не

10) Человѣкъ; какъ предметъ воспитанія — Ушинскаго введ. на стр. XX

измѣримо большое различіе между ними, такъ сказать, очевидно. Но такъ ли легко различаются всѣ чувственные акты человѣческой природы отъ психическихъ? . . . Понять зависимость нашихъ внутреннихъ состояній отъ вѣшнихъ впечатлѣній—дѣло не трудное—дающееся, такъ—сказать, самому непосредственному наблюденію; но такъ ли не трудно наблюдать и понимать всѣ возможныя формы и проявленія взаимодѣйствія между собою духовнаго и физическаго міра въ природѣ человѣка? Разсматривать человѣческое тѣло, какъ органическое произведеніе природы для того, чтобы узнать, какія вѣшнія условія необходимы для поддержанія, охраненія и развитія внутренней жизнедѣятельности этого органическаго произведенія—можно и не ознакомившись спеціально съ соматологіею (здѣсь опытъ жизненный, во многихъ случаяхъ можетъ быть вѣрнымъ толкователемъ законовъ науки); но можно ли, при отрывочномъ поверхностномъ знакомствѣ съ природою и жизнедѣятельностію человѣческаго духа, опредѣлить тѣ условія, при которыхъ должно совершаться его развитіе въ каждомъ изъ данныхъ случаевъ? Конечно нѣтъ! Педагогика (въ тѣсномъ смыслѣ слова) какъ и всякая другая наука, стремится свести всѣ частности къ извѣстнымъ общимъ принципамъ или правиламъ; она имѣетъ въ виду не того, или другаго ребенка, дѣйствительно существующаго, а ребенка вообще—типъ ребенка, а потому и воспитательныя средства она соединяетъ и указываетъ, не обращая вниманія на индивидуальныя

особенности того или другаго питомца. Педагогика знакомитъ съ цѣлями воспитанія и образованія юношества, указываетъ средства для достиженія этихъ цѣлей, — лежащія въ самой природѣ, условія, при которыхъ совершается дѣло образованія; но совсѣмъ этимъ знакомитъ и все это указываетъ въ общихъ положеніяхъ,

На воспитателѣ, такъ образомъ, лежитъ обязанность примѣненія къ каждому данному случаю тѣхъ изъ педагогическихъ совѣтовъ и наставленій, которые могутъ быть полезны, и исключенія изъ практики тѣхъ, которые не подходятъ подъ данный случай. Излишнее увлеченіе докринальной педагогикой молодыхъ учителей и педагоговъ, увлеченіе стремящееся буквально приложить тѣ или другія педагогическія теоріи къ воспитанію вѣранныхъ имъ дѣтей, приводитъ, въ большинствѣ случаевъ, или къ ничтожнымъ результатамъ, или даже къ жалкимъ послѣдствіямъ. Вообще, если гдѣ, то въ области педагогій главнымъ образомъ, однимъ изъ самыхъ вредныхъ заблужденій нужно признать то требованіе, чтобы выводы, оказавшіеся вѣрными въ наукѣ, осуществлялись непременно въ живой дѣйствительности. Воспитатели въ этомъ случаѣ походятъ на тѣхъ старинныхъ докторовъ, которые прописывали лекарства, не соображаясь съ организмомъ больного и потомъ удивлялись, почему это больной не выздоравлилъ.

Что же необходимо для избѣжанія подобныхъ увлеченій? Знаніе цѣльное—основательное, тако-

знаніе, чтобы воспитатель былъ въ состояніи хозяйничать, такъ сказать, во внутреннемъ мірѣ питомца. Диллетантизмъ, безусловно покланяющійся авторитетамъ, мѣняющій ихъ какъ платье, смотря по модѣ и вкусу, менѣе всего умѣстенъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Слова поэта:

«Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ;
Вѣрить—не вѣрить ему все равно
Лишь бы доказано было умно»;—

никогда не звучатъ такъ иронически, какъ въ приложеніи къ диллетанту—педагогу.

Сопоставляя все сказанное нами доселѣ съ настоящимъ положеніемъ педагогики въ курсахъ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ большинствѣ которыхъ, какъ извѣстно, вовсе не преподаются ни соматологія, ни психологія, нельзя не прійти къ убѣжденію, что положеніе педагогики въ курсѣ семинарскихъ наукъ наиболѣе выгодно въ разсматриваемомъ отношеніи ¹¹⁾. Не говоря уже о женскихъ пансіонахъ и институтахъ, даже въ курсахъ, специально назначенныхъ для приготовленія молодыхъ людей къ воспитательному дѣлу, программы далеко менѣе отвѣчаютъ тѣмъ условіямъ, при

11) Вотъ, для примѣра, программа учительскихъ институтовъ въ томъ видѣ, какъ она означена въ проектѣ положенія объ учительскихъ институтахъ: Законъ Божій, Педагогика, Русскій языкъ, Арифметика, Практ. геометрія, исторія, географія, естествен. исторія и физика, рисованіе, чистописание, пѣніе и гимнастика (Учит. 1869 г. № 15, стр. 502). Въ такомъ же видѣ, за не многими измѣненіями остается программа специально педагогическихъ заведеній и доселѣ.

которыхъ возможно болѣе или менѣе основательное изученіе педагогическаго дѣла, чѣмъ программа духовныхъ семинарій. Правда, психологія, какъ часть педагогики преподается въ учительскихъ семинаріяхъ, но именно—какъ часть педагогики, а не какъ отдѣльная наука.

Намъ могутъ возразить, конечно: рационально ли требовать, чтобы лица, желающіе посвятить себя скромной дѣятельности учителей народныхъ школъ, изучали науку о жизни и дѣятельности человѣческой души во всемъ ея объемѣ? Мы отвѣтимъ: не только рационально, но и необходимо. Если учитель народной школы хочетъ воспитать умъ, волю и сердце дѣтей; то онъ долженъ непременно знать и законы развитія этихъ способностей человѣческой души. Если народная школа должна имѣть задачу возвышеніе умственной и нравственной стороны народной жизни, а не механическое обученіе чтенію, счету и письму; то и заправители ея должны имѣть специальную подготовку къ воспитательному дѣлу; а не одно механическое знакомство съ методами и приемами обученія. Въ противномъ случаѣ, какъ бы ни облегчала народная школа способы приобрѣтенія элементарныхъ начатковъ народнаго просвѣщенія, она не достигнетъ даже той не далекой цѣли, чтобы вселить въ дѣтяхъ любовь къ школѣ, а о цѣляхъ народнаго воспитанія, при этомъ условіи, и говорить не зачѣмъ. «Дѣло воспитанія», говорить, по этому случаю, Нимейеръ, «будетъ идти тѣмъ же тернистымъ путемъ, какимъ оно шло до

селѣ, какъ бы не передѣлывались программы; наши школы по прежнему останутся чистилищемъ, а дѣйствительнымъ воспитаніемъ будетъ по прежнему жизнь со всѣми ея безобразными случайностями».

Намъ могутъ сказать, наконецъ, что если въ духовныхъ семинаріяхъ и полнѣе и систематичнѣе преподается психологія; за то изъ ея программы исключена физиологія, преподающаяся во многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскихъ; слѣдовательно — (минусъ) за — (минусъ)... На это мы отвѣтимъ слѣдующимъ, въ наше время, еще болѣе получающимъ силы и значенія, замѣчаніемъ Ушинскаго: «общія физиологическія свѣдѣнія, болѣе или менѣе ясныя и полныя встрѣчаются уже вездѣ, и нерѣдко можно найти воспитателей, которые, не будучи ни медиками, ни естествоиспытателями, имѣютъ порядочныя свѣдѣнія изъ физиологии человѣческаго тѣла, благодаря довольно обширной переводной литературѣ по этому отдѣлу. Къ сожалѣнію нельзя сказать того же о свѣдѣніяхъ психологическихъ, что зависитъ отъ того, что въ нашемъ общественномъ образованіи давно уже философія и психологія находятся въ забросѣ¹²⁾». Да и предѣлы опыта, выработаннаго жизнью, независимо отъ науки, въ области физическаго воспитанія далеко шире, чѣмъ въ области человѣческаго духа. Словомъ, если уже крайность заставляетъ суживать до возможной степени программу учебныхъ заведеній, специально посвященныхъ образованію педагоговъ; то въ такомъ слу-

12) Чел. какъ предметъ воспитанія, введ. XIX.

чаѣ—изъ двухъ наукъ,—непосредственно соприкасающихся съ искусствомъ воспитанія—несомѣнно слѣдуетъ предпочесть психологію, при чемъ гораздо легче доставить воспитанникамъ общія свѣдѣнія изъ физиологіи, чѣмъ на оборотъ. Слѣдовательно, оставляя даже возраженіе во всей его силѣ, мы приходимъ къ заключенію, что педагогика въ программѣ духовныхъ семинарій стоитъ въ условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже многихъ специальныхъ.

(Окончаніе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышелъ второй выпускъ на буквы Б и В Библейскаго Словаря, содержащаго библейскую пропедевтику, исторію, географію, древности, хронологію и пр., издаваемого въ С.-Петербургѣ Верховскимъ. Цѣна втораго выпуска 80 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію. Главный складъ изданія въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Колесова и Михина, Гостинный дворъ, по Невскому проспекту, № 22. Третій выпускъ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ: А) Правительственныя распоряженія: 1., Указы Св. Синода. 2., Распоряженіе Епархіальнаго Начальства. Б) Офиціальныя Известія. II. ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ: Власть и личность царя по ученію Слова Божія, древнихъ языческихъ религій и Церкви какъ Ветхозавѣтной такъ и Новозавѣтной (окончаніе). Положеніе педагогики въ курсѣ Семинарскихъ наукъ. Объявленіе.

Редакторы: Ректоръ семин. прот. *Матвій Невскій.*

Преподаватель *Григорій Вознесенскій.*

Печ. дозв. 28 февраля 1872 г. Цензоръ, іеромонахъ *Анатолій.*

Владимиръ. Типографія М. Гордона.

